

ЕВА ШЛОСС

ПОСЛЕ
АУШВИЦА

ЕВА ШЛОСС

ПОСЛЕ
АУШВИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 78.071.2:929
ББК 85.315.3
Ш83

Нарушение прав автора, правообладателя, лицензиара
в соответствии с действующим законодательством
Российской Федерации, включая, но не ограничиваясь УК РФ,
КоАП РФ, ГК РФ влечет привлечение виновных к уголовной,
административной и гражданской ответственности.

Eva Schloss with Karen Bartlett

After Auschwitz

A Story of Heartbreak and Survival
by the Step-sister of Anne Frank

First published in the English language
by Hodder & Stoughton Limited

Печатается с разрешения издательства
Hodder & Stoughton Limited

Перевод *Екатерины Есениной*

Ш83 Шлосс, Ева.

После Аушвица / Пер. с англ. яз. Е. Есениной. — М. : Изда-
тельство АСТ, 2019. — 320 с. — (*Холокост. Палачи и жертвы*).

ISBN: 978-5-17-107481-4

Откровенный дневник Евы Шлосс — это исповедь длиною в жизнь, пове-
ствование о судьбе своей семьи на фоне трагической истории XX века. Без-
облачное детство, арест в день своего пятнадцатилетия, борьба за жизнь в на-
цистском концентрационном лагере, потеря отца и брата, возвращение
к нормальной жизни — обо всем этом с неподдельной искренностью расска-
зывает автор. Волею обстоятельств Ева Шлосс стала сводной сестрой Анны
Франк и в послевоенные годы посвятила себя тому, чтобы как можно больше
людей по всему миру узнали правду о Холокосте и о том, какую цену имеет
человеческая жизнь. «Я выжила, чтобы рассказать свою историю... и помочь
другим людям понять: человек способен преодолеть самые тяжелые жизнен-
ные обстоятельства», утверждает Ева Шлосс.

УДК 78.071.2:929
ББК 85.315.3

ISBN: 978-5-17-107481-4

Copyright © Eva Schloss and Karen Bartlett 2013
© Matt Writtle
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2019

Книга посвящается памяти жертв Холокоста и геноцида,
которые не смогли поведать миру свои истории.

Ева Шлосс

ОСТАВИТЬ В ПРОШЛОМ

«А сейчас, мне кажется, Ева хотела бы сказать несколько слов», — эта фраза разнеслась по большому залу и наполнила меня ужасом.

Я была тихой женщиной средних лет, женой инвестиционного банкира и матерью трех взрослых дочерей. Человеком, произнесшим фразу, был Кен Ливингстоун — в то время главный руководитель вскоре упраздненного Совета Большого Лондона и «бельмо на глазу» у премьер-министра Маргарет Тэтчер.

В тот день мы встретились пораньше, и он, конечно, не предполагал, что его слова приведут меня в смятение. Я даже не предполагала, что это было началом моего долгого пути к примирению с ужасными событиями моего детства.

Мне было пятнадцать лет, когда я вместе с тысячами других людей мчалась по Европе в поезде, составленном из темных и тесных вагонов для скота, и была высажена перед воро-

тами концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау. Прошло уже более сорока лет, но когда Кен Ливингстоун попросил рассказать об этом, чувство всеохватывающего ужаса сковало меня. Захотелось сползти под стол и спрятаться.

Это случилось ранней весной 1986 года: мы были на открытии передвижной выставки, посвященной Анне Франк, в галерее рядом с лондонским Институтом современного искусства. Более трех миллионов людей по всему миру уже посетили эту выставку, но тогда мы только начинали рассказывать новому поколению историю о Холокосте с помощью дневника Анны Франк и фотографий ее семьи.

Эти фотографии связали меня с Анной таким образом, которого никто из нас не мог вообразить, когда мы были маленькими девочками и, бывало, играли вместе в Амстердаме. Мы были очень разными по характеру, но Анна была одной из моих подруг.

После войны отец Анны Отто Франк вернулся в Голландию и связал свой жизненный путь с моей матерью, и причиной на то были их общие потери и большое горе. Они поженились в 1953 году, и Отто стал моим отчимом. Он подарил мне фотоаппарат фирмы «Leica», которым когда-то снимал Анну и ее сестру Марго, чтобы я могла найти свое место в мире и стать фотографом. Я пользовалась этим фотоаппаратом много лет, и он до сих пор со мной.

История Анны — это история юной девочки, которая смогла задеть за живое весь мир простой человечностью своего дневника. Моя история — другая. Я тоже стала жертвой нацистских репрессий и была сослана в концентрационный лагерь — но, в отличие от Анны, я выжила.

К весне 1986 года я прожила в Лондоне почти сорок лет, и в то время город изменился до неузнаваемости: из невзрачной, уничтоженной бомбежкой скорлупы превратился в ак-

тивный многонациональный мегаполис. Хотелось бы верить, что и я преобразилась подобным образом.

Я изменила свою жизнь и создала семью: вышла замуж за чудесного человека и родила детей, которые являются для меня самой главной ценностью. Я даже открыла собственный бизнес. Но большая часть меня была потеряна. Я не была собой, и общительная девочка, которая когда-то ездила на велосипеде, делала стойку на руках и не переставая болтала, осталась где-то там, далеко, куда я не могла проникнуть.

По ночам мне снилась большая черная дыра, которая вот-вот меня поглотит. Когда внуки спросили меня о пометке на руке, которую мне выжгли в Аушвице, я сказала, что это просто мой номер телефона. Я не рассказывала им о прошлом.

И все-таки я едва ли могла отказаться от приглашения сказать несколько слов на открытии выставки, посвященной Анне Франк, учитывая то, что это было дело всей жизни Отто Франка и моей матери.

По настоянию Кена Ливингстоуна я встала и начала сбивчиво говорить. Возможно, к огорчению присутствующих, которые надеялись на короткое вступление, я обнаружила, что, начав говорить, не могу остановиться. Слова вылетали, и я продолжала и продолжала говорить, вспоминая все болезненные и горькие испытания, которые пришлось пережить. Я была будто в бреду и ужасе; я не помню, что говорила тогда.

Моя дочь Джэки сказала: «Это было очень волнующе. Мы почти ничего не знали о том, что пережила мама, и вдруг она оказалась на сцене, с трудом произнося слова и начиная плакать».

Другие люди могли не понять то, о чем я говорила, но для меня это был очень важный момент. Я возродила небольшую часть себя.

Несмотря на такое малообещающее начало, после этого вечера все больше и больше людей просили меня рассказать о том, что происходило во время войны. Поначалу я просила своего мужа набрасывать черновики подобных речей и озвучивала их довольно плохо. Но постепенно я нашла свой собственный голос и научилась рассказывать свою историю.

Многое изменилось в мире с конца Второй мировой войны, однако несправедливость и дискриминация, увы, остались неизменны. От Движения за гражданские права чернокожих в Соединенных Штатах до апартеида в Южной Африке, от войны в бывшей Югославии до конфликтов в таких странах, как Демократическая Республика Конго — по всему миру я видела людей, борющихся за то, чтобы с ними обращались в равной мере с человеческим достоинством и пониманием. И, как еврейка, я видела, что даже правда о Холокосте не подтолкнула мир к осознанию полнейшего ужаса антисемитизма. На сегодняшний день все еще существует много людей, выискивающих козлов отпущения на основании цвета кожи, происхождения, сексуальной ориентации или вероисповедания.

Мне хотелось поговорить с такими людьми об ожесточении и гневе, которые заставляют их винить других. Как и они, я знала, какой тяжелой и несправедливой может иногда казаться жизнь. Долгие годы меня также переполняла ненависть.

По мере того как расширялся мой мир, я начала работать с Домом-музеем Анны Франк в Амстердаме и с фондом ее имени в Англии. Вскоре я написала книгу о своем опыте, излив саднящие воспоминания о Холокосте, и потом, значительно позже, повесть о жизни с моим братом для младших дочерей. Я изумлялась, когда другие люди тоже хотели написать о моей истории.

В конце концов, я стала путешествовать по миру и разговаривать с людьми в Соединенных Штатах, Китае, Австралии и Европе. И куда бы я ни приезжала, мои собеседники меняли меня изнутри, до тех пор, пока я честно не смогла сказать, что отныне ненависть и ожесточение не владеют мной. Ничто не сможет оправдать ужасных преступлений, совершенных нацистами. Эти поступки навсегда останутся абсолютно непростительными, и я надеюсь, что благодаря таким личным историям, как моя, о них всегда будут помнить. Но благодаря попыткам обратиться к людям и рассказать им всю правду я заново расцвела — и, может быть, стала тем, кем всегда была в глубине души, — и это стало настоящим подарком для меня и моей семьи.

Едва ли не самой значимой частью работы были разговоры со школьниками и заключенными. Когда я обводила взглядом собравшихся маленьких детей разного происхождения и национальности, или мужчин и женщин, осужденных за тяжкие преступления, их охватывало удивление: что же может быть у них общего со мной — невысокой женщиной в изящном кардигане и с австрийским акцентом? И все же я знала, что к концу нашего совместно проведенного времени мы будем разделять чувство того, что жизнь подчас сложна и мы не знаем, что принесет с собой будущее. Обычно оказывалось, что мы все-таки не так уж сильно отличаемся друг от друга...

Мне хотелось, чтобы они узнали то, что усвоила я: каким бы глубоким ни было отчаяние, всегда есть надежда. Жизнь обладает огромной ценностью и красотой, и нельзя ее растрачивать попусту.

В этой книге я расскажу о своей семье и о долгом странствовании, в прямом и переносном смысле слова, которое нам с мамой пришлось совершить. Также я постараюсь как можно больше рассказать о своем отце Эрixe и брате Хайнце. Я по-

теряла их обоих, и даже если вы встретите меня сейчас, пожилую женщину, вы должны знать, что во мне все еще живет та пятнадцатилетняя девочка, которая любит их, каждый день вспоминает о них и безумно по ним скучает.

Воспоминания о нашей семье сопровождали меня всю жизнь и в дальнейшем повлияли на мою работу.

Был май 1940 года, мы уже покинули свой дом в Вене и теперь собрались в новой квартире в Амстердаме. Оправдались самые худшие ожидания: нацисты оккупировали Голландию. Обычно я во всем полагалась на старшего брата, который мог успокоить и поднять настроение, но в ту ночь он был расстроен и молчалив. Он поделился своими сомнениями насчет того, сможет ли наш отец уберечь нас, поскольку нацисты уже начали вывозить евреев. «Эви, мне очень страшно, — сказал он, — я и вправду боюсь смерти».

Мы сели вместе с отцом на диван, и он крепко обнял нас, сказав, что мы звенья одной цепи и что мы обязательно доживем до того времени, когда у нас появятся собственные дети. «А если у нас не будет детей?» — спросил Хайнц. Отец ответил: «Я обещаю вам, что будут. Все мы оставляем после себя что-нибудь, ничто не пропадает. Хорошие дела, которые вы совершили, продолжатся в жизни близких вам людей. Это будет иметь значение для кого-то в определенный момент, и ваши достижения будут продолжены. Все на свете взаимосвязано, как звенья в одной цепи, которая не может быть порвана».

В этой книге я попытаюсь рассказать о стараниях, приложенных мною для того, чтобы оставить после себя нечто важное.

ВЕНСКАЯ СЕМЬЯ

Для того, кто был молод, целеустремлен и при этом был евреем, в начале двадцатого века существовало только одно место для жизни — Вена. Мой детский взгляд принимал грандиозные размеры и изысканность этого города как само собой разумеющееся. Вена была домом, а я — настоящей венкой. К тому моменту как я родилась, наша семья жила в просторном особняке в лесистом районе на юго-западе Вены, однако в прошлом имела довольно длительную и бурную историю отношений с этим городом.

До окончания Первой мировой войны Вена была драгоценным камнем в габсбургской короне, центром обширной и могущественной Австро-Венгерской империи, которая простиралась от Украины и Польши до Австрии и Венгрии и до города Сараево на Балканах.

Довоенная Вена был промышленной и культурной столицей; предпринимательство подпитывалось торговым путем

на Дунае, в то время как композитор Густав Малер, писатель Артур Шницлер и психоаналитик Зигмунд Фрейд наполняли улицы, оперные дома и кафе новыми идеями. Было практически невозможно не увлечься этими интересными людьми, которые подготавливали колоссальные события. В кафе «Централь» можно было увидеть Льва Троцкого, игравшего в шахматы и составлявшего план революции; в кафе «Шперл» художник Эгон Шиле и одна из его натурщиц, должно быть, отдыхали в перерыве между созданием провокационных портретов.

Те дни воодушевляли. К 1910 году население города составляло более двух миллионов человек. Величественные бульвары Рингштрассе были окружены улицами с новыми жилыми постройками для все возраставшего среднего класса — коммерсантов и владельцев магазинов. Они формировали массовую аудиторию для венской культуры: раскупали театральные билеты, ходили в рестораны, гуляли в венских лесах.

Неотъемлемой частью этого среднего класса сделалась хорошо образованная и успешная еврейская община.

Конечно, евреи жили в Вене время от времени около семисот лет. Но череда критически настроенных людей у власти привела к тому, что евреев выгоняли из города, и община становилась малочисленной и бесприютной. Она начала расцветать только со времени толерантной религиозной политики императора Франца Иосифа и установления полного равенства граждан в 1867 году. В последующие тридцать лет еврейское население Вены возросло до ста восемнадцати тысяч человек и вскоре стало играть значительную роль в жизни города.

Некоторые из этих еврейских семей были очень богаты и вследствие этого знамениты. Они покупали роскошные дома на Рингштрассе и отделывали их мрамором и золотом. Ниже на социальной лестнице находились работники средне-

го класса. К началу двадцатого столетия почти три четверти банкиров и больше половины докторов, юристов и журналистов были евреями. Существовала даже популярная футбольная команда, состоявшая из евреев и входившая в венский футбольный клуб.

Вслед за экономическим кризисом и упадком парафинового производства, на котором трудились многие польские евреи, последовали беспорядки на Балканах и в конечном итоге Первая мировая война, которая принесла свежую волну иммигрантов в Вену. Это были менее состоятельные, хуже образованные евреи, приехавшие из областей Восточной Европы, например, из Галиции. Они обосновались вблизи северной железнодорожной станции Вены, в районе Леопольдштадт. Эти семьи казались более религиозными и менее связанными с немецкой культурой, нежели еврейская община, которая уже ассимилировалась с австрийской жизнью. Семьи наподобие нашей никогда бы не сошлись с этими новыми иммигрантами, ставшими предметом анти-семитских нападок.

Биография моего отца типична для семьи среднего достатка. Мой дед, Давид Герингер, родился в Венгрии в 1869 году. После переезда в Вену он открыл обувную фабрику «Герингер и Браун», и к ноябрю 1901 года — времени рождения моего отца — преуспел в этом деле.

У меня есть только одна фотография дедушки и бабушки. Дед выглядит по-деловому, с усами и шляпой-котелком, а мой папа и его сестра одеты в матросские костюмчики и с торжественным видом смотрят в камеру.

Моя бабушка, Гермина, — стройная и элегантная, высокая на вид из-за огромной шляпы, увитой слоями черного кружева и шифона, что было последним криком моды в то время. Она приехала в Вену из Богемии, нынешней Чехии.